

Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII–IX вв.). Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. Ответственный редактор Г. Г. Литаврин. М., 1995, 590 с.

Выход в свет второго тома фундаментального корпуса источников о раннем периоде славянской истории издательскими перипетиями и прочими обстоятельствами задержался почти на пять лет. Тем не менее, его появление подводит итоги одного из самых масштабных и значимых исследовательских проектов в области отечественной славянской медиэвистики, обогатившего ее первым полным (за несколькими специально оговоренными исключениями) собранием древнейших письменных известий о славянах на языках оригиналов и в комментированном научном переводе на русский язык. Помимо бесспорного научного значения рецензируемого труда и возможностей его использования в высшем историческом образовании, следует отметить и то, что с ним добросовестный и благонамеренный непрофессиональный читатель научной литературы впервые получает возможность в полной мере обратиться к первоисточникам и составить собственное суждение о раннем периоде славянской истории независимо от многочисленных произвольных и квазинаучных писаний, эксплуатирующих эту интересную и все еще недостаточно изученную проблематику. Очевидна и целесообразность в близком будущем второго издания данного тома (или свода целиком) по примеру первой части труда¹.

По сравнению с ранее отрецензированным нами первым томом свода² вторая часть издания отличается большим единством концептуальных подходов к славянской истории VI–VIII вв., что может быть связано с иным составом авторского коллектива, в основном включающего сотрудников Отдела истории средних веков Института славяноведения и балканисти-

ки РАН. Принципы издания, перевода и комментирования памятников едины в обоих томах корпуса, однако второй том обладает и рядом существенных особенностей.

Во-первых, обращает на себя внимание разнообразие «жанровой принадлежности» и происхождения приводимых свидетельств, которые включают, наряду с историографическими памятниками, житийные тексты, эпистолярные, акты, эпиграфические материалы на среднегреческом, латинском, сирийском, древнегрузинском и арабском языках. Последнее обстоятельство обусловило и иное членение тома, где выделены греческий, латинский и восточный разделы.

Во-вторых, в данном томе по понятным причинам гораздо более многочисленны и разнообразны латинские свидетельства о славянах, и, следовательно, значительно расширился географический охват приводимых сведений, в основном совпадающий с ареалом славянского расселения VI–VIII вв.

В-третьих, если чрезвычайная скудость самых ранних свидетельств о славянах, вошедших в первый том, позволяла включать в Свод даже спорные свидетельства и данные топонимики с пространными комментариями или вводить в последние подробный текстологический анализ, то во втором томе авторам приходится оговаривать существенные изъяты из имеющегося круга источников. Они касаются, прежде всего, сведений утраченных источников конца VIII — начала IX в., дошедших в составе двух важнейших памятников второй половины IX столетия — «Баварского географа» и «Обращения баваров и карантанцев», причем если первый недавно переведен и издан А. В. Назаренко³, то второй текст до сих пор не издан по-русски. Соглашаясь с авторами в признании самостоятельной ценности обоих произведений и необходимости скорейшего полного русского издания «Обращения», мы тем не менее считаем, что их включение из свода может быть мотивировано только техническими обстоятельствами, тем более, что сведения этих памятников необходимы для правильного понимания отдельных приводимых в томе текстов (см. с. 458–460, комм. 1–2).

¹ Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). Второе исправленное издание. М., 1994.

² Д. И. Польшванский. Рец.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). М., 1991 // ВВ, 1996, т. 57.

³ А. В. Назаренко. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1993.

Для сохранения разумного объема книги пришлось прибегнуть к некоторым полиграфическим ухищрениям (набор комментариев мелким шрифтом, компоновка параллельных текстов, разночтений и примечаний), делающим том менее удобным для чтения, чем предшествующий. Однако именно бережное отношение к книжному пространству позволило достойно представить такой объемный и впервые публикуемый по-русски памятник, как «Чудеса св. Димитрия». Сознвая аргументированную авторами необходимость сокращения числа известий византийских источников о славянах в раннесредневековой Болгарии, мы не находим объяснений отсутствию фрагментарного, но важного древнеболгарского свидетельства — так называемой Сулейманкьойской надписи, излагающей текст болгаро-византийского договора, заключенного после смерти Крума в 814–815 гг.⁴, тем более, что именно известие о предшествовавшей договору войне Крума с Византией является самым поздним по хронологии свидетельством в томе.

Греческий раздел открывает издание excerptов из Феофилакта Симокатты, подготовленное С. А. Ивановым. Особенностью этого перевода, как и других, представленных в Своде, является учет поэтики текста, позволяющий избежать существенных неточностей, имеющих в хрестоматийном переводе С. П. Кондратьева (например, относительно взятия славянами Длинных стен Константинополя, контактов Аварского каганата с полабскими славянами и пр.). Ряд других греческих текстов, также изданных и прокомментированных С. А. Ивановым, касается прежде всего осады аварами Константинополя в 626 г., в которой принимали самое активное участие славяне. Свидетельства поэтических произведений Георгия Писиды, Пасхальной хроники, проповедей Феодора Синкелла позволяют воссоздать сложную картину аваро-славянских взаимоотношений VII в., которая не может быть адекватно понята без учета чрезвычайного многообразия славянского мира этой эпохи. Во всяком случае, представления о славянах как некой консолидированной варварской массе, характерные для источников VI в., в это время уступают описаниям различных славянских политических образований и их

вождей, разных типов отношений с аварами и ромеями.

Дифференциация славянского мира на «микрорурне» славянского хинтерланда Фессалоники — одна из ключевых тем важнейшего, пожалуй, из источников, вошедших в данный том, — «Чудес св. Димитрия Солунского». Прекрасный перевод О. В. Ивановой и ее комментариев, имеющие собственную историографическую ценность, наряду с исключительным богатством самого источника, делают данный текст центральным не только в греческом разделе, но и во всем томе. Описания многочисленных осад второго «мировластного» города империи с конца VI в. содержат важнейший материал по истории военного дела славян; сведения о мирных контактах горожан со славянами дают возможность сделать вывод о наличии между солунянами и окрестными славянскими племенами договорных отношений; богатые ономастика и этнонимика позволяют судить об этнополитической организации славянских племен на юге Балканского полуострова. Сведения источника верифицируются данными сигиллографии, нумизматики, археологии, что придает комментарий еще большую информативность и надежность.

Греческий раздел завершают подготовленные Г. Г. Литавриным отрывок из Актвов Шестого вселенского собора (письмо папы Агафона от 680 г.), эдикт Юстиниана II о дарении храму св. Димитрия в Фессалонике солеварни (ок. 688 г.) и надпись на печати «ипата славянских пленников» в Вифинии (конец VII в.), а также «славянские» и отчасти «булгарские» excerptы «Бревиария» патриарха Никифора (конец VIII в.) и «Хронографии» Феофана Исповедника (начало IX в.). Сведения Никифора, заново переведенные Г. Г. Литавриным, позволяют скорректировать некоторые ранее сделанные выводы относительно славяно-аварских отношений в начале VII в. (с. 236, комм. 5), а также шире представить практику взаимоотношений славянских вождей с византийцами и булгарами. В основном вторичные сведения Феофана также содержат ряд важных данных, уточняющих отдельные моменты ранней истории булгар и их взаимоотношений со славянами и Византией после перехода через Дунай (с. 312–318, в особенности комм. 275, 303, 319, 324). В приложениях к разделу помещены два более поздних текста — Монеувасийская хроника и Схолия Арефы, которые, будучи написанными

⁴ В. Бешевилив. Първобългарски надписи. София, 1979, с. 152–153.

в X в., отразили не дошедшие до нас источники об аваро-славянских перемещениях на Балканах VI—IX вв. Фактически в комментарии Г. Г. Литаврина включен еще один памятник — фрагментарное «Житие св. Панкратия», сохранившееся в рукописи XI в. (с. 333—334, комм. 6). В комплексе помещенные в приложениях тексты значительно детализируют картину славянского проникновения на Пелопоннес и греческо-славянского взаимодействия на юге Балкан.

Латинский раздел тома в силу понятных причин выглядит более фрагментарным и дробным. Вошедшие сюда тексты в основном подготовлены В. К. Рониным (исключения составляют краткие свидетельства Франкской космографии и Равеннского анонима, подготовленные А. В. Подосиновым, и три эксцерпта из трудов Исидора Севильского, изданные и прокомментированные О. В. Ивановой). Последние особенно важны как первые свидетельства устойчивого присутствия славян в западной ученой традиции, блестящим представителем которой был севильский епископ. Хронологический принцип последовательности текстов, несомненно оправданный с научной точки зрения, на наш взгляд, все же несколько отвлекает внимание читателя от главных латинских памятников, содержащих значительные славянские экскурсы, — т. н. «Хроники Фредегара» с пространным рассказом о «королевстве Само», «Анналов королевства франков» с погодными описаниями франко-славянских столкновений 80—90-х гг. VIII в. и «Истории лангобардов» Павла Диакона с подробными сведениями об отношениях паннонских и альпийских славян с баварами и лангобардами и проникновении славян в Северную Италию. Из историографических памятников в раздел вошли также «Продолжатель Фредегара», раннекарolingская анналистика (Лоршские и Мозельские анналы, Фрагмент Дюшена, Анналы Петау, Анналы св. Назария и Аллеманские, Вольфенбюттельские анналы) со сведениями о франко-славянских отношениях конца VII в. и ценной информацией о славянах верховьев Эльбы и Заале, лабско-одринского междуречья и альпийского региона. Их дополняют сообщения агиографических памятников VII—VIII вв. — «Житие аббата Колумбана и его учеников», «Житие св. епископа Аманда», «Житие св. Бонифация» и «Житие Виллибальда, епископа Эйхштеттского» и эпистолярные материалы (письма папы Григория I, вышеупомянутого Бонифация, Алкуина

и анонимного аббата конца VIII в.), повествующие о миссионерской деятельности западного духовенства в землях западных славян. Актовый материал представлен грамотами баварских герцогов и знати 60—80-х гг. VII в. (в одной из них, грамоте Тассило III Кремсмустерскому монастырю от 772 г., содержится первое упоминание о славянских жупанах), бревиарными записями монастыря св. Лулла в Тюрингии (конец VIII — начало IX в.) и Зальцбургского епископства (конец VIII в.), где упоминаются славянские поселения в Тюрингии и баварско-карантанском пограничье.

В небольшой раздел восточных источников включены весьма разнородные тексты. Арабские источники, подготовленные Т. М. Калининой, включают отрывок из поэмы автора конца VII — начала VIII в. ал-Ахтала, где содержится первое в арабо-мусульманском мире прямое упоминание о славянах — «златокудых саклабах», и фрагмент географического справочника — «зиджа» ал-Фазари, придворного ученого халифа ал-Мансура, с указанием между придунайской Болгарией и европейскими владениями Византии «области славян», по размерам примерно равной последним. В древнегрузинских списках сохранились дополнения середины VII в. к «Луту духовному» Иоанна Мосха с первым по времени свидетельством о славянах в Малой Азии и «Мученичество Орентия и его братьев» (тексты подготовлены С. А. Ивановым, последний — при участии Г. В. Цулая). Уникальное сведение о нападении славян на Крит ок. 623 г. содержит изданный М. В. Кривовым отрывок из сирийского «Смешанного хроникона». Несомненная ценность данного раздела — в представлении иного, «отстраненного» взгляда на ранних славян с далекой периферии христианского мира или из мира арабо-мусульманского, которому в самом ближайшем будущем предстояла встреча с восточным ответвлением славян, отраженная в первостепенных по значению сведениях арабских ученых трактатов и путевых заметок IX—X вв.⁵

Как и первый том, рецензируемое издание выполнено на уровне самых высоких стандартов оформления научного аппарата: текст сопровождают обширная библиография, включающая публикации до 1994 г.,

⁵ См.: Т. М. Калинина. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988.

полезные карты — древние и современные, указатели личных имен, географических названий, этнонимов, политонимов и технических терминов для русского, латинского и греческого текстов. Нет сомнений, что достойной наградой многолетнему труду исследователей и их стойкости в преодолении сложного пути от рукописи к настоящему изданию станет долгая жизнь Свода в науке.

Д. И. Польшанский

В. А. Арутюнова-Фиданян.
Армяно-византийская
контактная зона (X–XI вв.):
Результаты
взаимодействия культур.
 М., «Наука», 1994, 235 с.
 (с английским резюме)

Из всего комплекса внешнеполитических проблем, которые приходилось решать Византии в ходе своего исторического развития, наиболее сложными и своеобразными были ее взаимоотношения с Востоком. Именно здесь формировались сначала подспудные, а затем все более выходявшие на поверхность силы, определявшие внутренние проблемы империи и в конце концов предопределившие ее судьбу в целом. Именно здесь Византией был накоплен богатейший опыт взаимодействия с окружающим ее гетерогенным в конфессиональном и общественно-политическом отношении миром, выработаны весьма совершенные и эффективно действовавшие принципы этого взаимодействия. Отсюда — важность и научная актуальность тех исследований, в которых ставится задача изучения принципов восточной политики Византийской империи на разных ее этапах. В ряду таких исследований, занимая свое, весьма достойное место, стоит обширный цикл работ В. А. Арутюновой-Фиданян, принеший ей известность как серьезному, оригинально мыслящему, взыскательному и добросовестному исследователю.

Настоящая книга, возникшая как докторская диссертация (защищена в 1991 г.), — закономерный итог многолетних занятий автора по

избранной проблематике. Будучи выполненной как бы на стыке двух научных дисциплин — византиноведения и арменистики, она удивительно современна по проблематике и методам рассмотрения этой проблематики, изобилует свежими, нетрадиционными подходами, идеями, выводами. Нельзя, конечно, утверждать, что сама по себе тема «контактной зоны» — изобретение В. А. Арутюновой-Фиданян. О необходимости структурно-функционального подхода к изучению лимитрофной зоны на Востоке Византии говорили многие (впервые об этом было заявлено, как правильно отмечено на с. 155 монографии, еще на XIV Международном конгрессе византинистов в Бухаресте в 1971 г.). Но в том-то и дело, что Вианда Арутюровна, не довольствуясь разговорами, перешла к делу и весьма успешно, как я полагаю, превтвила это desideratum в жизнь.

В этом отношении исследование оказалось, как мне кажется, чрезвычайно результативным. В нем на основе изучения широкого круга многоязычных и разнохарактерных источников ярко воссоздан особый, отмеченный исключительной сложностью и своеобразием мир «контактной», или лимитрофной, зоны как особой «структуры» со специфическими социально-административными, этноконфессиональными и идеологическими характеристиками. В поле зрения автора — кризис имперского фемного строя и становление контактной зоны в виде военно-административных округов-хор; переселенческая политика Византии и практика обменов армянскими владетелями своих земель на земли в глубине империи; историко-культурный облик и этническое самосознание армян-халкидонитов как наиболее характерной для контактной зоны человеческой общности; «образ Византии» в глазах армянских идеологов как великой державы, покровительницы всех христиан и единственной опоры армян в борьбе с мусульманским миром. Приятно констатировать отсутствие в книге, казалось бы, неизбежных для такой темы (и особенно в современной обстановке!) всякой предвзятости и «лжепатриотизма» при рассмотрении сложнейших этнических процессов в этом регионе. Автор не боится выступить против своих кол-